



За пятьдесятъ лѣтъ.

(Воспоминая г. Глѣбовой).

Глава 4¹⁾.

Начались правильные уроки танцевъ. Позиціи и первые приемы я усвоила очень скоро. Дядя былъ очень доволенъ мной, и я очень скоро начала разучивать характерныя па. Особенно хорошо мнѣ удавался чардашъ. Преподаваніе обыкновенно начиналось послѣ обѣда, по возвращеніи его съ занятій. Утро и день мы были предоставлены самимъ себѣ. Свои познанія я передавала сестрѣ. Не знаю, была ли я плохимъ педагогомъ или у сестры не было способностей, но она воспринимала все очень туго, что меня весьма огорчало. Когда мое преподаваніе заканчивалось, мы съ сестрой отправлялись до обѣда гулять. Тутъ я входила въ роль няньки, одѣвала сестру, осматривала, оправляла ее, и мы, какъ взрослые, но взявшись за руки, гуляли по улицамъ. Разъ даже заблудились и съ трудомъ нашли свой домъ.

За обѣдомъ я ухаживала за сестрой, кормила ее, вытирала ей губы, носъ и подкладывала кушанья. Первое время мнѣ было пожительно дико не слышать руготни, не ощущать побоевъ. Я все это считала неотъемлемымъ, необходимымъ въ моей жизни; мнѣ казалось, что всѣ папаша на свѣтѣ такъ обращаются со своими дѣтьми и что иного обращенія, иной жизни быть не должно. Всѣ люди должны учиться, а стало быть и мой папаша училъ меня и поступалъ такъ, какъ поступать надлежитъ. И только по прошествіи нѣкотораго времени я поняла, что

¹⁾ См. „Русскую Старину“ июль 1916 г.

значить свобода, ласковое обращеніе, и жизнь мнѣ стала казаться пригляднѣй, пріятной, и въ головѣ зародились съ новой силой мысли о томъ, что я буду артисткой, но теперь я себя представляла танцующей чардашъ, если и не блондинкой, все-таки съ голубыми глазами. Къ дядѣ приходили знакомые, и онъ иногда просилъ меня протанцевать что-либо въ ихъ присутствіи; всегда просилъ и никогда не заставлялъ угрозами или приказаніемъ. Такимъ образомъ я привыкла къ танцамъ при постороннихъ и, слыша постоянно похвалы, съ удовольствіемъ исполняла желаніе дяди. Я танцевала съ увлеченіемъ и видимо увлекала и зрителей. Во мнѣ, что называется, разгорался артистическій огонекъ, меня влекло къ сценѣ. Я была и старательна, и внимательна, и послушна. Какъ-то дядя получилъ извѣщеніе, что мы съ сестрой должны пробыть у него нѣсколькомѣсяцевъ, что Леличка (мужъ) устраиваетъ какія-то дѣла, очень важныя, устраивающія его, но требующія продолжительныхъ хлопотъ.

Для дяди, вѣроятно, это былъ сюрпризъ; но онъ былъ удивительно добрый человекъ и продолжалъ быть съ нами ласковымъ и пріятнымъ.

Я сдѣлалась въ родѣ хозяйки у него въ домѣ и кой-что начинала понимать въ этомъ дѣлѣ.

Возвратясь однажды со службы, дядя почувствовалъ себя нездоровымъ. Лицо страшно измѣнилось, осунулось, и носъ заострился. Это я хорошо помню. Глаза были воспалены и блестѣли лихорадочнымъ огнемъ. Силы разомъ оставили его, и онъ обратился въ неподвижный пластъ. Жаръ у него былъ такой, что, стоя около него, я чувствовала этотъ жаръ. Я была его сидѣлкой, давала ему пить, давала куриный бульонъ, переворачивала его, помогала встать съ кровати, словомъ, исполняла старательно роль сидѣлки. Временами онъ совершенно терялъ сознаніе, все тѣло покрывалось сыпью. Прислуга его, простая, деревенская баба предложила дядѣ послать за докторомъ, но тотъ коротко отвѣтилъ:

— Не надо, все равно... чувствую, конецъ будетъ одинъ...

Попросила и я его: онъ ласково посмотрѣлъ на меня, на его глазахъ навернулись слезы, бѣлыя губы, запекшіяся, силились улыбнуться; руки не шевелились, и только пальцы странно перебирались.

— Маруся, не надо... милая, бѣдная дѣвочка... напиши матери, чтобы... пріѣхала... Въ верхнемъ ящикѣ въ комодѣ...

въ правомъ углу, возьмите деньги... истратить... на что понадобится... и...

Дядя не докончилъ, смолкъ. Онъ видимо лишился сознанія.

Я начала понимать, что происходитъ что-то страшное, и въ слезахъ бросилась на колѣни у кровати и стала цѣловать руку больного. Сестра смотрѣла широко открытыми глазами, а затѣмъ стала тоже плакать, за компанію со мной...

Дядя уснулъ или по крайней мѣрѣ мнѣ казалось, что онъ уснулъ. Я тиховько на пальцахъ вышла изъ комнаты и сѣла у окна. Сестра Вѣра помѣстилась на подоконникѣ. Мнѣ стало грустно до ужаса, квартира показалась какой-то пустой, люди, идущіе по улицѣ, совсѣмъ, совсѣмъ чужіе, и какіе-то тоже страшные, холодные, безучастные къ моему горю. Такъ сидѣли мы съ сестрой довольно долго. Дядя спалъ, и мы боялись его разбудить. До насъ доносилось его короткое, прерывистое дыханіе, и какой-то легкой, шипящій звукъ вырывался вмѣстѣ съ дыханьемъ изъ груди и горла.

— Маруся, раздавался внезапно окрикъ дяди. Звукъ голоса мнѣ показался какимъ-то необыкновеннымъ, надорваннымъ, не то испуганнымъ, не то удивленнымъ.

Я опрометью бросилась въ его комнату. Дядя полусидѣлъ на кровати и пристально смотрѣлъ, широко открытыми, воспаленными глазами.

— Маруся, обратился онъ ко мнѣ, указывая дрожащей рукой на занавѣсъ, которой было закрыто его окно. Скажи мнѣ, ты видишь что-нибудь... Видишь...

Я посмотрѣла въ ту сторону, куда онъ указывалъ. Сквозь пеструю занавѣску ярко свѣтило солнце и узоры причудливо вырисовывались. Кромѣ ихъ я ничего не видала.

— Я, дядя, ничего не вижу, ничего...

— Не видишь, а лицо... лицо Спасителя... Онъ же смотритъ на меня и улыбается...

Черты больного озарились необыкновеннымъ счастьемъ. Я дрожала и вперила свой взглядъ на занавѣсъ. Въ это время солнце зашло за тучу, и занавѣска потемнѣла.

— Ну вотъ... теперь никого нѣтъ... странно...

Дядя откинулся на кровать, закрылъ глаза и ускоренно дышалъ. Я снова вышла въ залъ и снова помѣстилась у окна. Сердце мое билось, руки и ноги дрожали, и должно

быть на лицѣ отразилось мое волненіе, потому что сестра спросила:

— Что съ тобой, Машенька, тебѣ больно?

Я успокоила сестру. За спиной раздался шорохъ. Я повернула голову, въ дверяхъ стояла прислуга. Она обратилась ко мнѣ.

— Барышня, пожалуйста ключи отъ комода, мнѣ надо достать чистую скатерть покрыть столъ...

Я дала ей ключи, и она тихонько отправилась въ комнату дяди. Черезъ двѣ, три минуты она вернулась, держа скатерть и отдавая ключи, и затѣмъ скрылась въ кухню.

Часы пробили два. Накрылся столъ. Я покормила сестру, заглянула затѣмъ къ дядѣ. Онъ лежалъ съ открытыми глазами... Я спросила его:

— Хочешь бульону?

Онъ кивнулъ слегка головой въ знакъ согласія. Я налила въ тарелку, понесла ему, хотѣла кормить.

— Принеси еще ложку... я хочу, чтобы ты ѣла вмѣстѣ со мной, прошепталъ больной. Я поставила тарелку на стулъ и пошла за ложкой, чтобы исполнить его желаніе. Дядя ждалъ. Я давала ему ложку супу, а затѣмъ брала себѣ. Дядя довольно улыбался, и когда кончилъ ѣсть, особенно ласково произнесъ:

— Милая дѣвочка... да сохранить тебя Христось... иди... я буду дремать. Я, захватя тарелку и ложки, вышла. Только успѣла я поставить тарелку, какъ въ комнатѣ дяди раздался крикъ. Бросившись туда, я увидѣла его сидѣвшимъ, спустя худыя ноги. Глаза его бѣгали...

— Маша... я умираю... Маша, смотри же, въ комодѣ двѣсти рублей... похорони... остальные тебѣ... передай привѣтъ матери...

Онъ быстро всталъ на ноги и черезъ мгновение упалъ на постель. Грудь тяжело подымалась, въ горлѣ что-то клокотало. Я рванулась къ нему и, приподнявъ его, поддерживала голову. Безграничной благодарностью свѣтились его глаза. Онъ становился очень тяжелымъ; руки мои затекали, дрожали, и я боялась его уронить. Вдругъ онъ разомъ вытянулся, глаза широко открылись, все тѣло передернуло, и онъ, выпавъ изъ моихъ рукъ, неподвижно лежалъ на кровати... Я только взвизгнула, не понимая еще вполнѣ случившагося. Крикъ мой услышала кухарка. Она вбѣжала въ комнату и, взглянувъ въ лицо дядѣ, произнесла:

— Прикончился...

Я вопросительно посмотрѣла на нее.

— Дядя померъ Вашъ... царство ему небесное. Хоронить надо.

Кухарка вышла. Я стояла окаменѣвшая. Слезъ не было... Горе мое было выше слезъ. Я потеряла душу добраго, честнаго человѣка, душу, которая первая приласкала, приголубила меня. Я ни разу не видала даже недовольства во взглядѣ, не то рѣзкаго, грубаго слова. Первый разъ я увидала смерть лицомъ къ лицу, въ первый разъ я ощущала ея холодъ, величіе и какую-то своеобразную тишину...

— Барышня, васъ человѣкъ спрашиваетъ, раздался голосъ кухарки. Я оглянулась и увидѣла мужчину. Это былъ черный воронъ-гробовщикъ. Не говоря ни слова, онъ снялъ мѣрку и вышелъ. Я слыхала, какъ кухарка шептала:

— Попроше, подешевле...

Г л а в а 5.

Я и кухарка собственноручно обмыли тѣло, одѣли его и вмѣстѣ положили на столъ. Мнѣ было очень тяжело и трудно. Затѣмъ кухарка отправилась и откупила землю для могилы. Вообще она оказывала какія-то особенныя старанія и я невольно замѣтила, что она избѣгала смотрѣть мнѣ въ глаза. Къ вечеру принесли гробъ. Тѣло положили въ него, и гробовщикъ заявилъ, чтобы я уплатила десять рублей, что завтра онъ явится съ людьми, и они отнесутъ покойника на кладбище. Я взяла ключи и пошла за деньгами въ комодъ, но каково было мое удивленіе, когда вмѣсто двухсотъ рублей я нашла въ немъ только двадцать пять. Не понимая, въ чемъ дѣло, я отправилась на кухню заявить объ этомъ кухаркѣ, но, увы, она собрала вещи и скрылась. Тогда мнѣ не пришло въ голову, что прислуга въ то время, когда брала у меня ключи, украдала деньги, оставивъ незначительную сумму. Я расплатилась съ гробовщикомъ, и мы остались съ сестрой однѣ.

Насталъ вечеръ. Намъ не приходило въ голову зажечь свѣтъ, и мы сидѣли въ потемкахъ. Кругомъ было тихо, тихо, но страха я не ощущала. Но вотъ выплыла луна и полосами раскинулась по полу. Мнѣ стало очень грустно

по дядѣ, и я безъ боязни отправилась въ комнату, гдѣ онъ лежалъ. Лунный свѣтъ ударилъ въ лицо покойника, и я остановилась передъ нимъ и долго смотрѣла въ его лицо. Онъ лежалъ, какъ живой, и легкая улыбка озаряла его лицо...

— Дядя, милый дядя, шептала я, и мнѣ казалось, что онъ меня слышитъ. Помолись за насъ, помолись!—и слезы прямо потоками лились изъ моихъ глазъ. Я подошла ближе и хотѣла его поцѣловать, но не смогла достать. Гробъ былъ широкій и бока мнѣ мѣшали. Тогда я пододвинула скамью, встала на нее и крѣпко, крѣпко поцѣловала дорогое существо. Прикосновеніе къ холодному остывшему трупу заставило меня вздрогнуть. Тутъ только я поняла вполнѣ, что такое случилось, и громко зарыдала. Сестра услышала и босикомъ въ одной рубашенкѣ прибѣжала ко мнѣ и удивленно смотрѣла. Я взяла ее на руки и помогла приложиться. Она заплакала и, чего-то испугавшись, не пожелала цѣловать дядю. Я не настаивала, и вотъ мы, одинокія дѣвченки, крѣпко взявшись за руки, стояли почти всю ночь у гроба. Сила сна наконецъ поборола насъ, и мы пошли спать. Сестра пожелала лечь со мной. Я согласилась, и вотъ мы заснули. Утромъ явился врачъ, кажется городской полиціи, осмотрѣлъ покойнаго, и я ясно услышала слова: у него былъ сыпной тифъ. Надо отдѣлать дѣвочекъ и послѣ похоронъ дезинфицировать квартиру и на нѣкоторое время забить ее. Они ушли.

Я только нѣсколько лѣтъ спустя поняла, какой опасности мы съ сестрой подвергались; особенно я, соприкасаясь и кушая изъ одной тарелки куриный бульонъ. Могу сказать, не судьба мнѣ была умирать.

Я смотрѣла въ окно въ ожиданіи похоронъ и видѣла, какъ у воротъ стоялъ полицейскій, какъ подходили вѣроятно знакомые дяди и какъ спѣшно уходили, бояливо поглядывая на окна. Появились нищіе, но тоже ушли, а мы съ сестрой, не подозрѣвая опасности, сидѣли и ждали дальнѣйшихъ событій.

Наконецъ увидѣли пятерыхъ человѣкъ: гробовщика и четырехъ мужчинъ, въ черныхъ сюртукахъ, на головахъ были надѣты взѣрошенные цилиндры, обшитые старымъ серебрянымъ галуномъ. Вся эта компанія вошла въ квартиру, взяла крышку отъ гроба, забила ее гвоздями, вынесла гробъ, положила на носилки, и траурное шествіе тронулось.

Впереди несли гробъ, съ боку шелъ гробовщикъ, а мы съ сестрой плелись саади. Гробовщикъ взялъ у меня послѣдніе пятнадцать рублей за могилу и на другіе расходы, и я осталась съ двумя или тремя копейками.

Кладбище было далеко за городомъ. Мы такъ устали, что едва волочили ноги. Лицо, платье, ботинки были сѣры отъ пыли. Мнѣ временами казалось, что я упаду, а сестра теряла силы, и мнѣ пришлось ее на руки взять и нести нѣсколько времени, пока она немного отдохнула. Прохожіе съ удивленіемъ смотрѣли на оригинальное шествіе. Большинство снимало шапки и крестилось. Усталость наша дошла до крайнихъ предѣловъ, когда я наконецъ впереди себя увидала много деревянныхъ и другихъ крестовъ. Мы вошли въ границу вѣчнаго успокоенія и долго брели, поворачивая то вправо, то влѣво, по кладбищу, и наконецъ очутились у самаго его конца. Тамъ ожидала вырытая могила и священникъ. Гробъ опустили въ могилу, засыпали землей, священникъ отслужилъ панихиду, гробовщикъ что-то сунулъ ему въ руку, и тотъ удалился; затѣмъ гробовщикъ сунулъ и мнѣ что-то въ руку и, сказавши: „будьте здоровы, барышни“, ушелъ. Я посмотрѣла, что онъ мнѣ далъ, и увидѣла серебряную монету, это были пятнадцать копѣекъ. Всѣ разошлись, и у свѣжаго холмика земли стояли мы съ сестрой. Затѣмъ опустились и сѣли на траву. Усталость охватила насъ еще болѣе, и кости мои ныли и трещали. Сестра положила голову мнѣ на колѣна и уснула, я дремала клюя посомъ... На деревьяхъ каркали стаи грачей, и въ травѣ трещали стрекозы.

Время было подыматься. Я и сестра встали. Мы еще немного побыли у скромной могилы и пошли. Кругомъ насъ высились кресты новые, старые, очень старые, покрышіеся плѣсенью и готовые упасть. Лавируя среди нихъ, мы добрались до выхода; сообразили, куда надо двигаться, въ какую сторону, и пустились въ путь-дорогу. Сестрѣ захотѣлось пить и ѣсть. Я ее утѣшала, говоря, что дома покушаемъ, а что теперь надо терпѣть. Вначалѣ она молчала, а потомъ стала плакать, а затѣмъ олять смолкла. Шли мы долго и медленно. Я запомнила дорогу и правильно двигались къ дому. Начали мелькать домики предмѣстья, затѣмъ потянулись улицы, а тамъ показалось и наше жилище.

— Ну вотъ,—обратилась я къ сестрѣ,—мы будемъ скоро

дома, и я дамъ тебѣ ѣсть. На сестру страшно было смотрѣть. Потъ проложилъ дорожки по запыленному лицу, сбившіеся отъ вѣтра и пота волосенки были въ беспорядкѣ, глаза ввалились и губы запеклись. Я была конечно не лучше. Близость дома придавала намъ энергію, и мы невольно пошли бодрѣе. Вотъ знакомая вывѣска мелочной лавки, вотъ золотой крендель булочной, вотъ сапогъ, нарисованный на жести сосѣда-сапожника, а вотъ и нашъ домикъ. Мы подошли и не вѣрили глазамъ. Мнѣ казалось, не сбллись ли мы и не попали ли въ другое мѣсто. Нашъ особнячекъ былъ наглухо забитъ досками, и попасть въ него не было никакой возможности. Какъ я ни была молода, глуха и неопытна, но у меня зашевелились волосы на головѣ, и я потерянными глазами смотрѣла на доски, которыми были забиты окна и калитка во дворѣ. Опъ былъ пустъ, какъ была пуста наша квартира. Я беспомощно смотрѣла на сестру, потомъ опять на домъ, опять на нее и вдругъ горько, горько заплакала. Сестра опять начала просить ѣсть и пить. Я повела ее въ лавочку, кушила хлѣба, колбасы, мы поѣли и, напившись воды, вышли на улицу. Гривенникъ былъ истраченъ, и нашъ капиталъ состоялъ изъ семи или восьми копѣекъ. Я сѣла на тумбу, сестра около

Прохожихъ не было. Улица вообще была пустынная, а въ этотъ моментъ точно всѣ вымерли, и только въ пыли валялась чья-то свинья. Я положительно не знала, что дѣлать, какъ поступить, къ кому обратиться, и не было силъ двинуться съ мѣста. Написать къ матери, но я не знала адреса. Писалъ ей дядя и адресъ былъ записанъ въ книжечку, что лежала у дяди въ его письменномъ столѣ. Да, наконецъ, если бы адресъ былъ найденъ, письмо шло долго и обернуться оно могло дней въ пять, шесть. И такъ, что же было дѣлать? Мысли въ моей головѣ прыгали, путались; я старалась собрать ихъ, чтобы имѣть возможность придумать что-либо, но... напрасно. Обратиться въ полицію мнѣ почему-то не приходило въ голову, вѣдь это она же забила домъ, вѣдь это ей же предписалъ докторъ такъ поступить. Тамъ въ домѣ остались наши пожитки, бѣлье, пальтишки и все прочее. Мнѣ и въ голову не приходило, что вещей уже не было, что ихъ успѣли куда-то спроводить. Быть можетъ, для сожженія, быть можетъ, для дезинфекціи, а быть можетъ, онѣ были проданы тряпичнику для распространенія заразы. Все это я соображаю теперь, но тогда, тогда я была увѣрена, что имущество мое цѣло и

охраняется сосновыми досками. Время летѣло, солнце уже почти закатилось, начало дѣлаться прохладно. Сестра уже дрожала. Я прижала ее къ себѣ, обнимая, старалась согрѣть.

Все это произошло въ теченіе недѣли, начиная съ болѣзни дяди и закончившись его смертью и похоронами. Пока Богъ хранилъ насъ, мы не заразились какимъ-то чудомъ: мы обѣ были здоровы; какъ распорядится судьба далѣе, это было покрыто мракомъ неизвѣстности. Гдѣ же мы будемъ спать, думалось мнѣ. О ѣдѣ я пока не думала, вѣдь было еще на семь копѣекъ мѣди. Я осматривалась кругомъ и увидала у одного изъ домиковъ, съ боку воротъ, углубленіе и въ немъ скамеечку и рѣшила переночевать тамъ. Не долго думая, я взяла за руку сестру, и мы направились къ намѣченному мѣсту. Я посадила сестру, сѣла и сама. Сестра полулежа почти сейчасъ заснула, а я бодрствовала. Промелькнуло нѣсколько прохожихъ, но они, не замѣчая, проходили въ разныя стороны. Думается мнѣ, что если бъ они и увидали насъ, то прошли бы мимо, не обративъ вниманія: какое дѣло имъ до двухъ грязныхъ, маленькихъ, чужихъ имъ дѣвченочекъ. На дворѣ стало темнѣть. На небѣ показалась первая звѣздочка, а тамъ вторая, третья, и наконецъ весь сводъ небесный засверкалъ звѣздами. Я прямо тряслась и зубы мои стучали. Наша сторона осталась вся въ тѣни, а луной освѣщалась противоположная, по ней-то и ходилъ сторожъ, постукивая въ колотушку. Походилъ, постучалъ и куда-то ушелъ. Стукъ колотушки доносился издалека, а тамъ и смолкъ.

Я боролась со сномъ, побаиваясь темноты, и прижималась къ сестрѣ, согрѣвала ее. Затѣмъ стала соображать все меньше и меньше. Событія дня какъ-то испарились изъ усталой головы, и я стала дремать... Я уже не соображала, гдѣ я. Послѣдними потерялись отъ моего вниманія мигающія звѣзды, а тамъ я уже и окончательно не видѣла ничего изъ окружающаго меня. Одинъ только разъ меня заставила пріоткрыть глаза это метнувшаяся мимо, съ сильнымъ хрюканьемъ свинья, необходимая принадлежность всѣхъ небольшихъ городочковъ. Грязи много, а слѣдственно и удовольствія свиньямъ достаточно.

И такъ мы заснули... Свѣжесть зорьки разбудила насъ. Яркая, красно-матовая полоска блистала на во-